

Как молоды мы были

Лариса Фёдорова

Если мне нужно вспомнить, в каком году что происходило, я беру самую верную точку отсчета: 1950-й год — год окончания мною и Василием Федоровым Литературного института имени Горького.

Мы жили тогда в семиметровой комнатке коммунальной квартиры в переулке Садовских. Я писала прозу, Василий Федоров - стихи. Мое сердце плакало по оставленным мною стихам, но мы с мужем так договорились: пока у нас не появится комната побольше - я буду писать только прозу. «Два поэта на семи метрах, ты это представляешь?»

Но любить стихи других поэтов и восхищаться ими - такое право оставалось для меня незыблемым.

В 1955 году я принесла свой очередной рассказ в журнал «Молодой колхозник» (так называлась тогда нынешняя «Сельская молодежь»).

Редакция, как и многие молодежные журналы, помещалась на Суцевской улице - там же, где издательство «Молодая гвардия».

Был вечерний час длинного летнего дня. Я всегда предпочитала приходить в редакцию к концу рабочего дня - меньше посетителей. А если рассказ небольшой, то вполне возможно, что знакомый тебе редактор тут же и прочтет его и скажет, годится он журналу или не годится.

Большая комната, пустая посередине, была заполнена стойким золотистым светом. Так бывает только в больших городах: тут и отсвет близко стоящих кирпичных зданий, и скопившаяся к вечеру пыль, проникающая с улицы.

Близорукая, я остановилась в дверях, выискивая среди столов нужного мне человека.

И вдруг откуда-то из угла ко мне стремительно ринулась высокая сутуловатая фигура, с сильным наклоном вперед. Человек шагал именно ко мне, держа что-то в протянутой вперед руке. Наверное, кто-то из знакомых, которого я, как обычно, по близорукости не узнала. И я тоже протянула руку, почувствовав в ней что-то овальное и железное...

- Сожмите как можно сильнее! - сказал мне незнакомый голос.

Я послушно сжала. И тут же мою ладонь замкнули.

- Ого! Вы молодец! А вот такой-то... (была названа фамилия известного поэта - из молодых) такой-то выжал всего...

Он назвал цифру, которую я не запомнила.

- Вы пишете стихи? - спросил человек, пристально смотря мне в глаза.

- Писала... Теперь пишу рассказы. От поэзии я пока что отключилась.

- Это неправильно. Можно выключить газ на кухне, электричество, воду в водопроводном кране, но выключить поэзию нельзя. Это говорю вам я - Николай Глазков!

Сидящие за столом смеялись. Но сочувственно. Мои рассказы у них печатались редко. Лучше было с очерками на сельскую тему, но для этого требовалось ездить в командировки, а у меня был школьник-сын и муж... Нет, мне не хотелось отлучаться из дому! Я достаточно наездила, пока работала в штате такого же молодежного журнала «Смена».

Придя домой, я стала расспрашивать Василия Федорова о поэте Николае Глазкове более подробно.

- Отличный поэт,— обычно скупой на похвалы, сказал мой муж.

- Совершенно оригинальный поэт. Начитан, образован, отменный шахматист. Поэты его любят, обыватели считают чудачком... А силомер - тоже к разряду чудачеств отнеси. Но лично мне такие чудачества нравятся.

Следующая моя встреча с Николаем Ивановичем произошла в ресторане ВТО, куда мы с мужем и нашим другом Александром Парфеновым, директором Калининского книжного издательства, а в недавнем прошлом тоже студентом Литературного института, зашли поужинать.

Маленький зальчик, как всегда в эти вечерние часы, весело пошумливал. За одним из столов в незнакомой нам компании сидел Глазков. Мы пригласили его к нам. И Николай Глазков был нехотя отпущен из-за соседнего столика. Тут я рассмотрела его получше. Близорукость при первом знакомстве с человеком всегда мне мешала. Человек, больше всех выжимавший на силомере, при ближайшем рассмотрении оказался сухощавым, с ясными вдумчивыми карими глазами. В них часто мелькала добрая усмешка много знающего человека.

Наше застолье тут же превратилось в вечер поэзии. Но читал - по общей нашей просьбе - преимущественно Николай Глазков. Стихи свои он читал, как и положено настоящему поэту, наизусть, всецело доверяя своей феноменальной глазковской памяти. Позднее, когда я стала бывать в его доме на старом Арбате, меня всегда поражала эрудиция поэта. Таких людей обычно называют «ходячими энциклопедиями». Николай Глазков, собравший у себя множество альбомов с художественными репродукциями (художественные открытки шли счетом на тысячи), говоря о художниках любого века, тут же называл две даты: в каком году родился и в каком скончался. Да еще добавлял - где родился и какие самые-самые из его картин наиболее известны... Так же хорошо он знал выдающихся географов-путешественников и естествоиспытателей.

Но в тот вечер в ресторане ВТО он читал нам шуточные стихи. Начатые вроде бы всерьез, но с неожиданными поворотами, они вызвали дружный смех. К ним стали прислушиваться и сидящие за соседними столами... Николай Иванович чувствовал себя как на эстраде. Его выразительное живое лицо с постоянно вопрошающим взглядом - «Ну, как?» — порозовело от волнения.

- Отлично! - чаще всех восклицал Александр Парфенов. - Издай такую книжку - нарасхват пойдет!

- Тебе и козырь в руки! - поймал его на слове Василий Федоров. - Возьми да издай!

- Я? - удивился Парфенов.- Но я же, так сказать, периферия. Разве Коля на такое согласится? - последняя фраза явно выдала неуверенность книгоиздателя.

- Это ничего! - согласно кивнул головою поэт.- Старинный русский город Тверь, именуемый ныне Калининским, прекрасный город...

- А я буду его редактором,— не дав опомниться издателю, заявил Василий Федоров.— Коля, ты не возражаешь?

Глазков не возражал. Но умные, живые глаза его все еще светились недоверчиво.

Мне уже многие обещали напечатать, - равнодушно заметил Коля.- Скажут - и забудут... А может, и побоятся...

- А я напечатаю! - неожиданно переборол себя, стукнул по столу кулаком бывший фронтовик Александр Парфенов. И совсем уже как небезызвестный царь Федор спрашивал у Годунова, царь он, Федор, или не царь, так и Парфенов говорил Василию Федорову: - В конце концов, если я являюсь директором Калининского книжного издательства...

- Если ты от своего слова отступишь,- перебил Василий Федоров, - я с тобой перестану здороваться.

Поспорили еще чуток, поершились все трое и тут же скрепили деловой союз просьбой к Глазкову как можно скорее представить в издательство рукопись.

- Пиши заявку! - совсем уже разошелся Александр Парфенов.- Одну ногу я потерял на фронте, если вторую споткнусь на Глазкове - партия меня простит за хорошее дело. Давай придумывай название.

Решили, что книжка будет называться «Моя эстрада». Одобрение этому названию последовало даже из-за соседних столов, ставших невольными участниками делового соглашения.

Так было положено начало выходу первой книги Николая Глазкова и начало тройственному союзу Глазков - Парфенов - Федоров. Последнего Николай Глазков после выхода «Моей эстрады» стал называть первопечатником Василием Федоровым.

После выхода глазковской книжки наша дружба с поэтом окрепла. Он стал бывать у нас в доме. Жили мы уже не на семи метрах, а в тринадцатиметровой комнате другого соседнего дома все в том же переулке Садовских. Дом был знаменит тем, что в некие времена в нем было пристанище цыган, которых будто бы слушал Пушкин... Дом состоял только из коммунальных квартир. Коммунальной была и наша. Самое интересное в ней было то, что дверь ее выходила в туннель под брюхом дома. Веснами в туннеле разливалась огромная лужа, и если ночью случались заморозки, то мы, живущие на первом этаже, вылезали в окно с ведром кипятка и оттаивали вмерзшую в лужу дверь... Вот почему Коля Глазков всегда приходил к нам в калошах... После игры в шахматы от долгого сидения за доской Коля раздумывал. Гость и хозяин, пытавшийся ему помочь, изошрались немало, чтобы вставить Колину громадную ногу в калошу. Мне казалось, что над ними смеется даже наша «подтуннельная» дверь, с огромным - на толщину стены - железным крюком, откованным бог весть по чьему заказу в одной из московских кузниц...

Потом оба мы шли провожать Колю до трамвая, что проходил через площадь Пушкина, держа путь в сторону Арбата...

Я знаю многих поэтов. Им почему-то всегда мешали неожиданные гости. Ничего подобного не было в доме Глазковых. Был только уговор - сначала позвонить по телефону. И - пожалуйста!

Мы с Василием Федоровым были рады часок-другой побыть у Глазковых. Арбат, 44 - кому из поэтов был неизвестен этот радушный адрес? Мы даже не замечали, что квартира, в сущности, была полутемной - внутридворовый дом стоял в окружении других, более высоких домов. В те трудные времена - трехкомнатная квартира в центре Москвы! Нет ванной и горячей воды? Да бог с ней, с горячей! Главное - есть телефон! Уют, сотворенный руками хозяйки-художницы Росины Моисеевны! В кабинетике поэта в аквариуме плавали рыбки - черные, красные и золотые. На подоконнике горшки с нетребовательными к свету растениями. Над диваном большая географическая карта.

Рядом - такая же небольшая, как и кабинет, комната сына - Коли Маленького. А «маленький» Коля ростом уже отца догоняет, повторяя в своей юношеской спине его сутуловатость...

А вот столовая-передняя, через которую попадаешь на кухню, с большим столом, рассчитанным на шумные застолья, с громадиной-буфетом старинного фасона, заполненной гжелью, старинным фарфором и хрусталем, привлекала посетителей больше всего. Всегда ярко освещенная, с накрытым белоснежной скатертью столом, окруженным старинными стульями, она как бы взывала к пиру и беседам и осталась в моей памяти чем-то неповторимым... Тут всегда справлялись дни рождений Николая Глазкова, с пирогами и жареными утками, с винегретами. Дни рождения поэта-острослова, когда взрывы смеха гостей фейерверками взлетали над белой праздничной скатертью...

В глазковской квартире на старом Арбате находили себе приют многие бесприютные поэты (в том числе Ксения Некрасова), скульпторы, художники, редакторы, бесчисленные якутские поэты, которых Глазков переводил с поразительной щедростью.

Ежедневное присутствие случайно заглянувших к Глазковым друзей-товарищей, казалось, совсем не беспокоит поэта. Всегда радостно откроет дверь, позовет поздороваться занятую чем-либо жену Росину Моисеевну, попросит накрыть на стол... Типичное московское гостеприимство. Увы, нынче не каждый московский дом столь гостеприимен. Недавно работники Кемеровского областного музея рассказали мне дикий случай: приехав в Москву, три часа они ждали появления назначившего им встречу знатного хозяина, а жена и мать последнего, зная, что они приезжие, да еще из такого далека, даже чашки чая им не предложили... Только жаловались в два голоса, что вот некому у них в доме окна помыть... Потом появился хозяин, нехотя выслушал их просьбу об экспонатах (он был родом из их краев), сунул им какой-то неподъемный кубок и выпроводил, так и не поинтересовавшись, сколько они тут его прождали и были ли они угощены хотя бы чаем... Такое было немыслимо в доме Глазковых.

Прошло еще несколько лет. В начале шестидесятых годов мы с Василием Федоровым получили наконец свою первую отдельную квартиру. На Кутузовском. Глазковы все еще жили на Арбате. Но вот и у них новость: им предложили квартиру со всеми удобствами, но не в центре, как просил Николай Иванович, а на Аминьевском шоссе...

Как оказалось потом, уклада их жизни нарушать было нельзя. Арбат любили все. И запросто забежать к Глазковым было доступно. Аминьевское же шоссе - и не с руки и не с ноги... Николай Иванович усиленно звал нас к себе, но, каюсь, мы не часто навещали. Я-то еще навещала, а мой супруг чаще приглашал Колю повидаться в ЦДЛ. Тут-то и сказалась разница их характеров: Глазков был прирожденным домоседом. Мы часто ездили в дома творчества: Николай Иванович домов творчества не признавал. Ему хорошо писалось дома.

Но задолго до переезда Глазковых на Аминьевское шоссе, где Николай Иванович вскоре серьезно заболел, была у нас с ним одна любопытная встреча. Произошла она, как это ни странно, на земле Владимирской, в деревеньке под названием Заднее Поле. Там где-то в середине пятидесятых, до вселения в отдельную квартиру, мы приобрели скромный домик, прельстившись недорогой его ценою, красивой местностью и совершенно прелестной рекою Киржач, отделяющей Владимирскую область от Московской. Расстояние - сто километров.

Если бы вам захотелось узнать, как выглядел наш дом, посмотрите на фотографию дома Сергея Есенина. Поразительно, до чего все совпадало! Резные наличники, слуховое окно, чисто российская трехконность на улицу и продолговатость в сторону двора. Даже палисадник, даже березка у левого окна, где хозяин дома поэт Василий Федоров саморучно отгородил для себя кабинетик-спальню... Только что реки на задворках не было. Реки Оки. А где-то за Борками, прекрасным сосновым лесом, чистой резвой волною намывала река Киржач золотые евпаторийские пески на извилистые свои берега...

Кроме сада-огорода, с пышно цветущей посреди его белой розой, уже воспетой Василием Федоровым, была у нас и живность - пес Джек и пушистая кошка Муська с котятами... Джек тоже попал в стихи хозяина-поэта.

Василий Федоров рассказал Коле Глазкову о нашем приобретении, и тот выразил желание погостить у нас.

Николай Глазков любил «впечатляться» дорогами. Есть такая категория любознательных. Так вот, связав свою творческую судьбу с народом Якутии, во всем верный себе Глазков неоднократно не летал, а ездил в якутские края через всю Россию, жадно впитывая из окна вагона всю ее красоту и разнообразие природы. И на каждой станции он еще бросал в почтовый ящик открытки своим друзьям. Бесчисленным друзьям! И отнюдь не тешил себя мыслью, что адресаты тут же откликнутся ему в эпистолярном стаде. Уникум! Исчезающее племя представителей изящной эпистолярной словесности.

Якутия Якутией, а Владимирская земля - для Глазкова тоже интересна. Теперь вот и друг его Вася Федоров - его «первопечатник» и заядлый шахматист-пораженец - дом себе приобрел. Как же туда не съездить?!

Личность поэта Николая Глазкова - вообще находка для любого психолога. Мать-природа была щедра к нему. Он, никогда не бывавший за границей, досконально все знал о любой столице мира. В тех бесчисленных альбомах, что наполняли их дом на Арбате, а потом на Аминьевском, были альбомы и с видами тех городов, где он никогда не бывал... Он покупал эти открытки в магазинах или просил путешествующих по заграницам друзей привезти ему в виде сувенира «какую-нибудь главную улицу» той или иной столицы... И ему привозили.

- К нам в гости Коля Глазков собирается,- сказал мне Василий Федоров.

Я искренне обрадовалась. У нас уже и Александр Парфенов побывал, и Владимир Солоухин - этот проездом, когда с женою везли на учебу в Москву из Оледино старшую дочку Лену.

- Съезди за ним сам! - сказала я мужу.- Пусть оба едут - с Росиной.

- Он сказал, что она не может.

- Съезди за ним, съезди. Оба-два побольше вкусенького привезете, да и сложновато нас тут разыскивать: поездом до Орехово-Зуево, да еще на автобусе сорок пять минут, да потом в горку идти, да на пути спрашивать: «Где тут у вас Заднее Поле?..»

- Якутию-то он без меня нашел.

- Так то Якутия!

Василий Федоров на попутном транзите съездил за Глазковым в Москву и привез его в нашу деревеньку.

Коле у нас понравилось решительно все! Это я по глазам его видела. Особенно деревянные стены неоштукатуренного дома и «накат» понравился (то есть на владимирском наречии потолок) - не беленый, не крашеный, а из отполированных временем матицы и плах. И стены и накат как-то мягко светились старинной Русью...

Сходили на Киржач, там они с Василием Федоровым вволю наплавались и нанярялись - опять же в малолюдстве. К нашим животным он никакого интереса не проявил. Чувствовался горожанин... Но вот горожанин тут же себя и опроверг.

После обеда он потребовал лопату.

- У нас там все вскопано, - запротестовал хозяин дома. - Ведь июнь месяц, Коля. Какая сейчас копка?

- Все равно мне необходима физическая разрядка. Перед поездкой сюда я много переводил. Якуты меня утомили... Я окопаю деревья.

- Нет, нет, Коля, деревья окапывать нельзя. Они же цветут!

- Я вскопаю вам новую грядку.

- У нас есть целина. По-владимирски «лужок»... Но он существует для соседской козы... Соседка туда козу привязывает.

- Это хорошо! - как всегда загадочно ответил Коля. В это простое слово он вкладывал что-то свое, глазковское, лукавое...

- Лара, дай Коле лопату, а я после купания и обеда должен передохнуть.

Лопата была выдана. А я занялась мытьем посуды, обдумыванием, что приготовить на ужин... Еду-то я готовила на керосинке!

Коля появился часа через полтора - потный, усталый, видно, что поработал на совесть, и долго мыл руки под ручкомойником.

Потом неожиданно сказал:

- Ну, разрядочку я сделал. Теперь я поехал.

- Куда поехал?

- Домой. У меня там еще два якута неперевоенных.

- Сейчас вечер, транзитчики по Горьковскому шоссе уже проехали. Придется на автобусе и электричке.

- Это хорошо,- опять загадочно сказал Коля. И улыбнулся. На лице его читалась удовлетворенность всем на свете. Мне показалось, что, побывав на нашем далеко не совершенном саде-огороде, он постиг какую-то удивительную истину. Такую истину, что дальше в нашем доме вроде бы и делать-то больше нечего!

Мы проводили его до Горьковского шоссе, где иногда, заметив отчаянно голосовавшего пассажира, мог остановиться и московский автобус. Коле повезло - именно так мы его и отправили, минуя электричку.

А утром из Москвы возвратилась наша милая домработница Паша. (Поскольку мы часто уезжали в столицу по редакционным делам, то пришлось нам взять домработницу - женщину очень гостеприимную, но с одним недостатком: больно уж любила себя показать при гостях в смысле разговора. Вот почему мы и решили принять Николая Глазкова сами, без Паши.) Вернулась она с нескрываемым сожалением, что от именитого гостя ее как бы отстранили...

- Женатый или нет? - как бы мимоходом поинтересовалась она.

- Женатый, Паша, и даже на всю жизнь сразу, сообщила я, дабы пресечь о госте всякие иные выспрашивания. - И сын Коля имеется.

Огорченная Паша пошла в огород за зеленым луком и тут же примчалась обратно.

- Батюшки, что у вас делается-то! Только я ворота в огород открыла, а ОН тут и лежит!

- Кто лежит, Паша? - мы чуть не онемели от страха. «Он» в устах Паши звучало так, как будто речь шла о некогда живом существе.

- Камень божий лежит! Вот такой! - развела она в стороны пухлые руки. - Только вот не пощупала я, теплый он или остывший. К нам на Орловщине падал, как раз у соседей, - так аж голубоватый был и теплый... И как же это вы не слышали, как он летел. А ну как бы по крыше вдарил? Так ведь и выскочить не успели б!

Не слушая больше Пашу, мы, опережая друг друга, поспешили на огород. Да, у ворот - со стороны сада-огорода - лежал большой камень. Но какой же он «божий»? Весь в земле. Ясно, что выкопан... И сделал это наш московский гость - Николай Иванович Глазков, уставший от перевода любимых им якутов... (В последнее время нам казалось, что он и личностью стал смахивать на якута, если б только у них были сухощавые лица.)

В те давние годы позвонить из рядовой деревеньки в Москву было невозможно. Надо было ехать для этого или в ближайший город Покров, или в Орехово-Зуево. А нас уже не на шутку разбирало любопытство: откуда он его взял? Ибо под «подозрением» могла оказаться и вскопанная «целинная» грядка, и широкое окружие белой розы... От грядки, возле которой все еще паслась соседская козочка, до ворот, где лежал камень, - метров двадцать пять, от куста белой розы - десять метров. Ни у козы, ни у розы не спросишь... Коза равнодушно пощипывала травку, а над розой, осыпанной белыми бутонами, радостно гудели пчелы... Попробовали поднять камень втроем - куда там! Хоть тракториста с тросом зови!

- Значит, видный собою мужчина? - вопросительно говорила Паша, в надежде, что мы еще разок пригласим к себе этого гостя-богатыря и тем удовлетворим ее ненасытное любопытство к людям выдающимся.

Но Коля Глазков в этой деревеньке больше не бывал. А еще года через три мы этот дом продали, устав дважды в неделю ездить туда из Москвы с заплечными мешками.

Откуда был взят камень - мы, разумеется, потом спросили.

- От белой розы. Я подумал, что он ей мешает. От камня я ее избавил. А вот от черных жуков...

- Каких жуков?

- Черных-черных! Они почему-то ползали в каждом ее раскрывшемся бутоне... Такие противные, с цепкими ногами... С ними надо бороться. Конечно, можно вообразить, что она заколдованная красавица. Но какой смысл? Роза должна быть чистой, абсолютно чистой!

- Об этой розе я все сказал что надо! - ответил Василий Федоров. - Я развенчал ее лживую красоту раньше тебя, Коля.

БолеЛ Николай Иванович долго, но вел себя мужественно. Василий Федоров перезванивался с ним, а я раза три навестила. Уже на костылях, в теплом халате, окруженный неустанными заботами верного друга Росины Моисеевны, он неустанно продолжал писать стихи - да такие улыбочивые, такие точные по знанию тех людей, от имени которых писал. Это была серия стихов «Объяснения в любви». Как говорил бы о своей любви сапожник, парикмахер, геолог, фотограф...

В новой квартире нового дома по возможности сохранен колорит квартиры старого Арбата. В большой продолговатой комнате распростерт у стены чуть было не проданный громадина-буфет, любимое кресло поэта, письменный стол с аквариумом и раскрытый во весь его немалый овал дружище-стол, перевидавший множество друзей поэта...

Пусть дом на Аминьевском шоссе современен - с этажами и магазином-гастрономом. Пусть в квартире сверкает белизною ванна и денно и ночью - только поверни кран - льется горячая вода... И все-таки это не дом поэта Николая Глазкова...

После кончины поэта я вскоре написала стихотворение, посвященное его памяти. Оно называется «Дитя Арбата старого»:

Ушел. Так тихо дверь закрыл.
Как будто не входил.
Дитя Арбата старого,
Он шума не любил...
Квадрат стекла водой наполнен,
Осиротевших рыб тоска,
Тоскует шахматное поле,
И города, которых Коля
Не видел никогда...
Ирония из тех же слов,
Что гимны и молитвы.
Глазковская ирония
Была острее бритвы.
Он был началом из начал
Иронии свечения,
И вот начался час его,
Как летоисчисление.
Ушел... Так тихо дверь закрыл,
К бессмертию готовясь.
Его светящимся следам
Мы кланяемся в пояс.